

Б. Шоу

**Автобиографические
заметки. Статьи. Письма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ш81

Ш81 **Шоу Б.** Автобиографические заметки. Статьи. Письма / Б. Шоу – М.: Книга по Требованию, 2013. – 496 с.

ISBN 978-5-458-24512-8

Творчество Бернарда Шоу драматурга (1856-1950) хорошо известно у нас в стране. Его пьесы "Пигмалион", "Цезарь и Клеопатра", "Профессия миссис Уоррен" и др. прочно вошли в репертуар театров. В сборнике, выходящем в серии "XX век. Писатель и время", представлены автобиографические заметки, статьи и письма писателя, не переводившиеся ранее на русский язык. Книга рекомендуется широкому кругу читателей,

ISBN 978-5-458-24512-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КТО Я ТАКОЙ?

Знаменитый Джи-Би-Эс не более реален, чем страус из пантомимы. Но я всегда играл в честную игру, никогда не притворяясь, что Джи-Би-Эс реален; я многократно разбирал его на части перед публикой, чтобы продемонстрировать свой фокус. И даже те, кто, несмотря ни на что, избавился от иллюзии, считают Джи-Би-Эс каким-то ярмарочным уродцем. Все дело в том, что Джи-Би-Эс — существо уникальное, фантастическое, нетипичное, неподражаемое, несносное, в больших дозах невыносимое, абсолютно ни на кого не похожее, безнадежно неестественное и начисто лишённое истинной страсти. Ясно, что такое чудище не может принести вред, даже если бы оно подавало дурной пример — чего, впрочем, никогда не было.

Меня часто спрашивают, есть ли сходство между моим образом и реальным человеком. Меня это интересует не больше, чем есть ли сходство между Филиппом на картине Веласкеса и живым Филиппом или Карлом на картине Тициана и настоящим Карлом. Я не сомневаюсь, что какой-нибудь придирчивый негодяй со временем развенчает меня в своей книге "Правда о Шоу", которая во многом будет справедливой. Быть может, какому-нибудь иностранцу, далекому от англо-ирландской среды, удастся создать труд, такой же неожиданный и нелестный, как висящий в Национальной галерее портрет Нельсона кисти турецкого миниатюриста. Как и все люди на свете, я одновременно исполняю много ролей, и все они для меня характерны. Для одной аудитории я — владелец дома в Аделфи, для другой — "один из этих проклятых социалистов". Оживленная клубная дискуссия совсем юных девиц о том, что точнее меня характеризует: "старый тупица" или "старый псих", закончилась тем, что было единодушно принято третье определение "старый зануда". А ведь есть и такие люди, которые считают, что мне нет равных. Короче говоря, я — это не только то, что я сам о себе думаю (а думаю я

о себе очень по-разному в зависимости от времени и обстоятельств), но и то, каким меня видят другие. А гений отличается от обычного наблюдательного человека не тем, что он многое замечает, а тем, что умеет отличить главное от второстепенного. Приведите одного человека на Флит-стрит, спросите его, что он видит, и он распишет вам во всех подробностях, какого цвета автобусы, какого пола лошади, назовет номера машин, опишет вывески пивных, внешность и примерный возраст людей. А другой человек, который ничего этого не заметит, скажет, что Флит-стрит — это лестница Иакова, по которой с неба на землю и обратно спуют ангелы.

По странному совпадению я, как и святой, чьим именем меня назвали, не ем ни мяса, ни рыбы, ни дичи, не курю (будь то табак или любая другая отравка) и не увлекаюсь спиртными напитками и наркотиками. Я не хожу в монашеской рясе, подпоясавшись веревкой, но на одежду трачу не больше (а то и меньше) тех, чей доход составляет четвертую часть моего. Уже без малого пятьдесят лет я не испытываю недостатка в средствах и мог бы жить припеваючи, ничего не делая. Однако я, как пролетарий, тружусь каждый божий день. Если воздержание и трудолюбие и есть праведность, меня вполне могли бы причислить к лику святых, и я бы занял место рядом со своим тезкой святым Бернардом.

Существует легенда, будто я продукт аскетического пуританского воспитания. Все это выдумки. Единственное вероучение Ирландской протестантской церкви, которое мне внушили в раннем детстве, сводилось к тому, что все католики после смерти отправляются прямиком в ад, а все протестанты, и в первую очередь послушные дети, — в рай. Но во все это я верил только до тех пор, пока не сменил платьице на бриджи, после чего меня воспитывали в атмосфере столь скептической, богемной, анархистской, а с точки зрения образования — эстетской, что десяти лет от роду я был уже убежденным атеистом, который, не питая никакого благоговения перед Троицей, с глубочайшим уважением относился к Микеланджело и Рафаэлю, к Генделю, Моцарту и Бетховену. Писать я начал без энтузиазма и амбиций, поскольку литература была у меня в крови. Как бы то ни было, я последний человек на свете, которого можно назвать аскетом — как в теории, так и на практике.

Мало сказать, что я невоздержан, я — самый беспробудный пьяница в своей изрядно пьющей семье, ведь отец довольствовался спиртным, а для меня алкоголь настолько слаб, что я скорее выпью парафинового масла, чем бренди. Трусы пьют спиртное, чтобы заглушить потребность в настоящих возбудителях; я же избегаю алкоголя, чтобы испытать их истинный вкус. К тому же я являю собой прискорбный пример того, что запойный труженик ничем не лучше, чем запойный пьяница.

Помните автобиографию Герберта Спенсера, который предостерегает нас от работы? А я ужасно тоскую, когда не работаю. После месяца непрерывной работы у меня раскалывается голова, и я даю себе слово сделать перерыв, не садиться за стол после обеда, работать только два часа в день, но тщетно: каждое утро меня вновь охватывает нестерпимая жажда трудиться, и я ничего на свете так не боюсь, как выходных дней.

Нельзя сказать, чтобы писатели были совершенно равнодушны к деньгам, вовсе нет, но любой человек, который стремится к материальному благосостоянию, никогда в жизни не станет профессионально заниматься литературой. Есть религиозные ордена, где действуют такие суровые правила, что при вступлении вы обязаны пожертвовать всем, чем владели, до последнего гроша. Члены ордена даже одежду себе выбирать не вправе. Но зато им не приходится думать о хлебе насущном, и, куда бы они ни поехали, они могут по крайней мере три дня жить за счет ордена. Однажды я спросил своего знакомого, члена ордена, есть ли отрицательные стороны в такого рода существовании.

— Как вам сказать, — собравшись с мыслями, ответил он, — наша индивидуальность развивается столь своеобразно, что в сорок лет у всех служителей ордена появляются самые разнообразные причуды.

Объясняется это, по-видимому, тем, что из-за отсутствия материальных затруднений происходит чрезмерное развитие личности — правда, у тех, кому есть что развивать и кого не причащают, как солдат, жить не думая.

Лучше всего сочинять пьесы на необитаемом острове, ведь писателю труднее организовать, даже в их собственных интересах, чем собак. На бумаге они — образец добродетели, а в деле — закоренелые анархисты, сварливые, изнеженные, в споре то и дело выходят из себя, а мнение, отличное от их собственного, воспринимают как личное оскорбление. Журналистика, будучи деятельностью общественной, их дисциплинирует, но сочинителям, которые сидят в четырех стенах и высасывают свои опусы из пальца, которых никто не издает и которым никто не противоречит, никогда не научиться, если только они не наделены отменным чувством юмора, жить в обществе, и политикам приходится разговаривать с ними, как с пришельцами из другого мира...

Когда я впервые беседовал с Анатолем Франсом, он спросил меня, кем я себя считаю.

— Гением, как и вас, — не моргнув глазом ответил я.

Однако ему с его французской благопристойностью мои слова показались столь нескромными, что он поспешил возразить:

— Что ж, шлюха имеет право говорить, что торгует удовольствиями.

Я не обиделся, ведь все художники действительно зарабатывают себе на жизнь тем, что торгуют удовольствиями, а не философствуют и пророчествуют. Кроме того, сравнение писателя со шлюхой было не внове для автора "Профессии миссис Уоррен". Но почему он не сказал "кондитер имеет право называть себя торговцем удовольствиями", что было бы так же верно? Или ювелир? Или любой лавочник, торгующий сотнями товаров, которые не являются жизненно необходимыми и имеют лишь эстетическую ценность? Что же до меня, то я никак не могу признать себя торговцем удовольствиями. Да, читатели и зрители получают удовольствие от прочтения и просмотра моих пьес, что и дает мне возможность зарабатывать на жизнь. Но мне слишком хорошо известно, что пустые и нуждающиеся драматурги вынуждены исключительно ради денег торговать сомнительными удовольствиями, замешанными на непристойности, шутовстве, богохульстве, безнравственности и клевете. Даже самая лучшая пьеса, чтобы привлечь зрителей, пусть немногочисленных и избранных, должна быть кассовой, развлекательной. Даже нашему величайшему драматическому поэту Шекспиру, чтобы остаток жизни прожить в достатке и почете, приходилось сообразовываться с тем, "как вам это понравится".

Нет никаких сомнений, что каждый человек, независимо от того, художник он или нет, в определенных обстоятельствах смущается, как ребенок. Но каждый человек, чья профессия состоит в том, чтобы обрабатывать других людей, будь то художник, политик, адвокат, пропагандист, организатор, учитель и так далее, должен уметь подать себя, сыграть роль. Крестьянину, который только и делает, что копается в земле и собирает урожай, сквайру, который только и делает, что охотится да ест, математику и физику люди, играющие в оркестре или выступающие с трибуны, могут показаться позерами, однако когда они сами выражают свои потребности и желания, то замечают, что без позы не обойтись и им. Если же они останутся самими собой, то попросту потеряют дар речи. Иными словами, так называемая "поза" — это лишь технический прием, необходимый в определенных обстоятельствах. Поза отвратительна, лишь когда она неуместна: тот, кто позирует за обеденным столом, уподобляется генералу, который садится обедать со шпагой на бедре, или зубному врачу, который кладет свои щипцы рядом с прибором — чтобы показать, что они у него есть. Впрочем, не может же он всегда ходить без них!

При том что святой Бернард и святой Фома были такими же неисправимыми эгоистами, как я; точно так же, преисполнившись решимости действовать по-своему, пренебрегали интересами и желаниями своих семей; всегда, любой ценой избирали самый удобный для себя путь — непонятно, почему непосильным трудом и лишениями они погубили себя, когда им

было вдвое меньше лет, чем мне. Произошло это не потому, что они считали себя божьими слугами, ведь и я считаю себя слугой творческой эволюции, что в конечном счете одно и то же и что делает меня таким же, в сущности, религиозным существом, как и они; существом, для которого еда, питье и рождение детей — лишь досадная необходимость по сравнению с тягой к более обширным и глубоким познаниям, к лучшему пониманию, к умению владеть собой и создавшейся ситуацией. Поэтому я не вижу оснований, почему бы и меня когда-нибудь не канонизировать. Быть может, так оно и будет.

Сам я — всего лишь литературный артист, но на звание писателя претендую в большей или по крайней мере более очевидной степени, чем любой литератор моего поколения. Ведь я черпаю свое вдохновение из древнего, как мир, библейского источника, когда считалось, что писатель, если он нечто большее, чем простой кондитер, — либо пророк, либо никто. Задумываться над мыслями писателя, даже если этот писатель глуп, прекрасно; но поклоняться орудиям его труда, его приемам и уловкам, позе и стилю — омерзительно. Восхищайтесь всем этим, как вы восхищаетесь искусством каменщиков, плотников и скульпторов, которые выстроили вам собор. Но не заходите внутрь и не служите благодарственный молебен.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Перевод А. Ливерганта

ВСТУПЛЕНИЕ

Все автобиографии лгут, причем не случайно, а преднамеренно. Ведь надо быть отпетым негодяем, чтобы еще при жизни обнародовать всю правду, и не только о себе самом, но и о своей семье, друзьях, коллегах. И наоборот, только ангел во плоти сохранит истину для потомков, тщательно утаивая ее до тех пор, пока не останется никого, кто бы мог ее опровергнуть.

Меня часто спрашивают, почему я не пишу автобиографию. На это я отвечаю, что моя автобиография не представляет ни малейшего интереса. Я никогда никого не убивал. Со мной никогда не происходило ничего из ряда вон выходящего. Стоило гадалке мельком взглянуть на мою ладонь, как она тут же пересказала мне мою жизнь во всех подробностях. По всей видимости, ей было известно такое, о чем я никогда никому не рассказывал. Спустя несколько дней в беседе с приятелем (Уильямом Арчером) я обмолвился, что увлекся хиромантией. Он тут же протянул мне свою руку и потребовал, чтобы я пересказал ему какой-нибудь эпизод из его жизни, который произошел до нашего знакомства. И тогда я повторил ему слово в слово все то, что гадалка говорила мне.

Удивился он не меньше, чем в свое время я. Ведь нам всегда казалось, что жизненный путь каждого из нас неповторим, тогда как в действительности на 99 процентов наши биографии совпадали, а об одном проценте гадалка как раз и умолчала.

С тем же успехом две обезьяны могли бы возомнить, что у них совершенно разные скелеты. Поскольку анатомы утверждают, что в природе не существует двух одинаковых скелетов, обезьяны теоретически правы, но если их скелеты и отличаются, то всего одной-двумя костями; остальные же не представляют абсолютно никакого интереса, и если обезьяна не хочет прослыть занудой, то лучше ей обо всем скелете помалкивать.

Вот почему так нелегко писать автобиографию. В самом де-

ле, как вычленишь всего один процент, отличающий меня от всех остальных представителей рода человеческого? Кому, скажите на милость, нужен подробный рассказ о том, как знаменитый Смит родился в доме номер 6 по Хай-стрит и с каждым годом, пока не достиг двадцатилетнего возраста, становился все выше и выше ростом, если абсолютно неизвестные Браун, Джонс или Робинсон, появившиеся на свет в доме номер 7, 8 или 9 по той же улице, росли, питались, испражнялись, одевались, раздевались и переезжали с места на место точно так же, как и он? Вот если бы жизнь Смита была полна приключений, каких-нибудь невероятных событий, тогда бы он имел право на автобиографию.

У меня же никаких приключений не было, со мной никогда не происходило ничего невероятного. Если кто и нарушал однообразное течение моей жизни, так это я сам, вернее, мои книги и пьесы. Прочтите их, поставьте на сцене — и вы узнаете мою биографию; все же остальное — не более чем бесконечная череда завтраков, обедов, ужинов, снов, пробуждений, умываний — словом, самых заурядных вещей. О личной жизни Мольера Вольтер исчерпывающе рассказывает всего на двух страницах. Читать об этом объемистые тома было бы невыносимо скучно.

Есть еще одна сложность. Если в автобиографии описывается какое-то событие, в нем, как правило, участвует не вы один. Писать о том, что произошло с вами, вы, естественно, имеете полное право, но на другого человека это право не распространяется. Если же вы нарушили это правило, да еще человек, вами упомянутый, до сих пор жив, он наверняка с жаром опровергнет вашу версию, ведь не бывает на свете двух людей, у которых одно и то же событие запечатлелось в памяти совершенно одинаково. К тому же очень немногие по-настоящему понимают, что именно с ними произошло, а если и понимают, то не в состоянии искусно описать происшедшее. А автобиография, если вы хотите, чтобы ее читали, обязательно должна быть хорошо написана.

Самые лучшие автобиографии — исповеди, но у настоящего писателя все книги исповедальны. В этом жанре не преуспел даже великий Гёте. Описав свое детство (самая выигрышная часть даже совершенно негодных автобиографий), он, к сожалению, отходит от темы и так увлекается описанием сверстников, людей совершенно заурядных, что вскоре книга выпадает у вас из рук и больше вы никогда ее не откроете. Будучи одним из немногих читателей, одолевших "Исповедь" Руссо, я могу засвидетельствовать, что с того момента, как Руссо перестает быть повесой и авантюристом и становится великим человеком, его жизнеописание теряет всякий смысл.

Я прекрасно помню мадам де Уоренс, с которой Руссо встречался в шестнадцатилетнем возрасте, зато мадам д'Удето, с ко-